

Александр Александрович Силкин

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921)

В хорватской историографии присутствует тенденция преподносить Степана Радича, возглавлявшего Хорватскую (республиканскую) крестьянскую партию, предтечей «модерной» либеральной демократии. Аргументом служит так называемая Конституция нейтральной крестьянской республики (1921), предполагавшая всеобщее избирательное право, ответственность правительства перед парламентом, разделение властей и т. д. Однако другие ее положения плохо вяжутся с либерализмом и вообще с «модерными» представлениями о государственно-правовом устройстве. Конституцию следует рассматривать не как проект основного закона, а как один из инструментов пропаганды, которая апеллировала к патриархально-традиционным представлениям целевой аудитории. Государство представало в ней увеличенной моделью «крестьянского дома» или задруги, во главе которой стоял строгий, но справедливый отец народа. Тот наделялся не только светской, но и духовной властью над своими «чадами». Совокупность собственных лозунгов С. Радич воспринимал не иначе как «возрожденную христианскую религию», а свою активность — как «апостолат», или «проповедь освобождения крестьянского народа». В конце 1930-х годов соратникам Радича, вставшим у кормила власти в Бановине Хорватия, предоставилась возможность воплотить собственные идеи об оптимальном государственном устройстве. Практика имела мало общего с теорией, что, впрочем, характеризует многие утопические национально-государственные проекты межвоенного времени. Исследовательская задача статьи — в общих чертах описать идеологическую эволюцию партии в довоенное и послевоенное время, обусловленную изменениями исторического контекста, в котором той приходилось действовать. Выступления и тексты С. Радича рассматриваются не только как выражение его *credo*, но и как утилитарный инструмент политической мобилизации масс.

Ключевые слова: Степан Радич, Хорватская республиканская крестьянская партия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, парламентаризм, либеральная демократия, пропаганда

Цитирование: Силкин А.А. Образ власти в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия» (1921) // Центральноевропейские исследования. 2022. Вып. 5(14). М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 223–245. DOI: 10.31168/2619-0877.2022.5.9.

Интересующий нас документ составлен в апреле-мае 1921 г. депутатами Учредительного собрания Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) от Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП), которые провозгласили себя «Республиканским представительным большинством банской Хорватии». Партия, участвовавшая в общегославских выборах 28 ноября 1920 г. еще как *народная* (ХНКП — до декабря 1920 г.), заняла третье место по полученным голосам и четвертое (50) по числу мандатов. Уступив двум сербским правительственным партиям¹ и коммунистам, ХНКП, что важнее, опередила все прочие хорватские объединения. Это позволило ей, по оценке Фердо Чулиновича, вскоре стать «политическим организатором подавляющего большинства хорватского крестьянства»². Со старшим коллегой согласился сербский автор Джордже Станкович, записавший в актив ХРКП «тотальную гомогенизацию хорватского народа»³. Оценивая этот результат, которого удалось достигнуть всего за два-три послевоенных года, следует иметь в виду, что в первые пятнадцать лет существования партия играла на политической сцене Загреба отнюдь не ведущую роль.

В 1906–1913 гг. ХНКП⁴, основанная в 1904 г. братьями Антуном (1868–1919) и Степаном (1871–1928) Радичами, пять раз претендовала на места в саборе Королевства Хорватии и Славонии. В 1910 г. удалось добиться девяти мандатов (из 88), в 1913 г. — всего трех. Невысокие результаты объяснялись тем, что, согласно избирательному закону 1910 г., всего 190 тысяч жителей, то есть 6% населения указанных областей, имели право голоса⁵. Обстоятельства его обретения радичевским электоратом — повод ненадолго отвлечься от *curriculum vitae* ХНКП и обратить внимание на некоторые особенности того, как

¹ Народной радикальной партии (НРП) и Демократической партии (ДП).

² Čulinović 1961: 287.

³ Станковић 1995: 322.

⁴ На русском языке о деятельности братьев Радичей и ХНКП до Первой мировой войны см.: Романенко 1982; Фрейдзон 1993.

⁵ Biondich 2000: 20.

хорватскими коллегами преподносится контекст югославской политики, в котором действовала ХНКП.

По словам Сузаны Лечек, хорватские крестьяне получили право голоса в результате введения всеобщего избирательного права (для мужчин) в Королевстве СХС после Первой мировой войны⁶. То есть, надо полагать, до нее югославы этим правом не пользовались. Менее определенно, но более образно написал Стипе Кляич: «Крестьянская политика расцвела после Великой войны в период широкой демократизации»⁷. Как именно произошла она? Ни тот, ни другой автор не ссылаются на какие-либо специальные труды или источники. В статье в качестве такового используется сборник документов (1920) под редакцией Фердо Шишича (1869–1940), в котором опубликован манифест принца-регента Александра Карагеоргиевича (1888–1934) от 24 декабря 1918 г. В нем говорится о распространении на югославянские области бывшей Австро-Венгрии всех прав и свобод, которыми пользовались на тот момент подданные Королевства Сербия, в том числе и избирательного права⁸.

Незадолго до этого, а именно, осенью 1918 г., С. Радич — единственный из хорватских политиков — в Загребе публично оспорил народное единство сербов, хорватов и словенцев и, как написала Бранка Бобан, «выступил против ускоренного объединения и замены Габсбургов на Карагеоргиевичей». Он хотел, чтобы Хорватия была самостоятельной республикой, которая уступила бы лишь некоторые совместные дела в ведение кон/федерального государства, образованного на «международно-признанной территории»⁹. Не признавая Королевства СХС, провозглашенного в Белграде 1 декабря 1918 г., ХНКП не отправила своих делегатов во Временное народное представительство (ВНП — 1919–1920)¹⁰, а также, несмотря на участие в выборах, бойкотировала Учредительное собрание (1920–1921).

Следует оговориться, что о республике партийное руководство заговорило, только когда прояснилась участь монархии Габсбургов.

⁶ Leček 2006: 119.

⁷ Kljaić 2017: 86.

⁸ Dokumenti o postanku Kraljevine Srba Hrvata i Slovenaca. 1914–1919 / Sabrao ih F. Šišić. Zagreb: Matica Hrvatska, 1920. S. 299.

⁹ Boban B. 2006: 152.

¹⁰ ХНКП имела возможность отправить в ВНП двух своих членов, см.: Gligorijević 1979: 28.

С момента основания партии не политические, а социальные лозунги составляли основу «крестьянской политики». По словам С. Кляича:

В сфере культуры ее подпитывали либеральные источники. <...> Основная задача — освободить село от влияния церкви. В экономическом отношении тон задавал социализм. Крестьянский социализм отличался меньшей радикальностью, чем социализм марксистский. <...> Однако и он отвергал экономику свободного рынка, грезя об утопии классового крестьянского государства. Все это Степан Радич сформулировал в 1921 г. в «Конституции нейтральной крестьянской республики Хорватия»¹¹.

«Конституция», а также прочие программные документы ХРКП, принятые в начале 1920-х годов, живописали государство, максимально необременительное для граждан. Глава, посвященная «принципам организации» республики, гласила, что та есть не что иное, как «моральное объединение мыслящих существ», «хозяйственная организация» и «культурная организация». В ней подлежали упразднению всеобщая воинская обязанность и регулярная армия: «У крестьянского народа регулярная армия особенно разрушительна для основ морали (честности), хозяйства, культуры и свободы»¹². Отменялись таможенные пошлины и учреждались кооперативы вместо капиталистических банков¹³. Кроме того, предполагалось закрытие не только университета (как «ложной высшей школы»), но и гимназий с лицеями и реальными училищами (вместо них — народные школы). Ведь, как Радич писал еще задолго до войны:

Высшая школа, которая называется университет, еще хуже той, которая зовется гимназией или реалкой. В них заключен первый корень нашего народного зла: наши господские школы воспитывают таких господ, которые <...> о своем народе ничего не знают или его стыдятся¹⁴.

В виртуальном государстве средством «реализации народного суверенитета» служил сабор, который избирался всеми совершеннолетними обоих полов. Прямую государственную деятельность осуществлял президент, выбираемый в ходе «плебисцита». Обязательным

¹¹ Kljaić 2017: 84.

¹² Radić S. Politički spisi. Zagreb: Znanje, 1971. S. 370, 369.

¹³ Об этом написал в официальной трактовке «конституции» один из идеологов ХРКП Рудольф Херцег, см.: *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. Zagreb, 1923. S. 36.

¹⁴ Radić S. Politički spisi. S. 149.

атрибутом республики становилось «правительство крестьянского большинства», а низовой административной единицей — «крестьянский дом». Итак, республика должна была полностью уподобиться старой хорватской задруге¹⁵, где все члены равны, где вся задруга владеет имуществом, где задругары сами выбирают хозяина, которого могут сместить, если он плохо хозяйствует¹⁶.

Некоторыми современниками эта, говоря словами Кляича, «утопия» воспринималась как непоколебимое *credo* ХРКП, с чем сегодня согласны многие представители хорватской историографии. В августе 1924 г. германский консул в Загребе Вальбек назвал документ путеводной звездой, которая не просто «витает в воздухе перед Радичем и его партией», но и, вероятно, служит точкой отсчета грядущего изменения «устройства государства СХС в результате примирения сербов, хорватов и словенцев»¹⁷. А современные исследователи считают «конституцию» воплощением «краеугольных либерально-демократических принципов», которых придерживался председатель ХРКП. Тот характеризуется ими как «политик европейского кругозора»¹⁸, «человек европейского формата»¹⁹, который, будучи выпускником парижской Свободной школы политических наук, «особенно вдохновлялся демократией в Великобритании»²⁰. «Организовав модерную политическую партию» с «модерной во всех отношениях программой», он, по словам Б. Бобан, «верил, что за все цели следует бороться демократическими средствами в рамках системы парламентаризма»²¹.

Что касается текста документа, в нем предусматривались и по сегодняшним меркам высшие стандарты соблюдения прав и свобод,

---

¹⁵ *Задруга* — большая патриархальная семья у южных славян. Состояла из 20–30 человек, как правило, — нескольких сыновей одного отца с их женами и детьми, живших в одном дворе. Хозяйство в такой семье было общим. В главе стоял выборный домохозяин (*домачин, господарь*), руководивший всей ее жизнью с помощью своей жены (*домачица, господарица*), которая ведала женской половиной дома. Высшая власть в задруге принадлежала совету всех членов, — взрослых мужчин и женщин, контролировавшему деятельность домохозяина.

¹⁶ Radić S. *Politički spisi*. S. 342.

¹⁷ Цит. по: Avramovski 2020: 225.

¹⁸ Petrić 2015: 586.

¹⁹ Sirotković 1999: 306–307.

²⁰ Leček 2015: 30.

²¹ Boban 2006: 148.

а демократия гарантировалась разделением властей, самоуправлением, парламентской системой, референдумом по вопросу принятия важнейших законов, правом отзыва депутатов и президента, системой контроля работы государственной администрации²². С Бобан согласился академик Ходимир Сироткович, по словам которого, определение республики как «объединения дома и народа» представляло собой «исключительно либеральное положение» конституции²³. Иво Банац (1947–2020), воспроизведя радичевский тезис о «тождественности республиканского строя устройству традиционной хорватской задруги», тут же утверждал, что предложенная им «республиканская модель имела много общего с западными парламентскими системами»²⁴. О «либерально-демократических позициях» программных документов ХРКП писал Иво Гольдштейн, назвавший в качестве таковых социальную справедливость, широкое народное просвещение, верховенство закона, контроль исполнительной и законодательной власти путем референдума²⁵.

Достоверна ли вышеприведенная трактовка «конституции», и действительно ли Радич относился к ней в духе «на том стою и не могу иначе»? Ответить утвердительно возможно, только если игнорировать общий контекст деятельности и пропаганды ХРКП до и после принятия документа. Однако прежде чем рассмотреть, какой именно образ государства и власти вырисовывался из радичевских выступлений и текстов разных лет, обратим внимание на обстоятельство, которое само по себе демонстрирует уязвимость приведенной позиции. А именно, в 1920–1930-е годы, на которые пришелся «расцвет крестьянской политики», ХРКП не проявляла заинтересованности в работе парламента и оказании влияния на принимаемые им решения, как того можно было бы ожидать от «модерной партии» с «модерной» программой.

Радичевцы появились в «белградской скупщине» только весной 1924 г., то есть спустя пять лет после образования государства и за год до признания монархии и отказа от республиканства. К политике бойкота парламента партия вернулась после состоявшегося в его стенах 20 июня 1928 г. покушения на Степана Радича. В результате

²² Boban 2006: 158, 152.

²³ Sirotković 1999: 306.

²⁴ Banac 1995: 194.

²⁵ Goldstein 2008: 74, 45, 46.

установления 6 января 1929 г. режима личной власти короля Александра Карагеоргиевича ХРКП находилась под запретом, как и все остальные «племенные» югославские партии. После смерти узурпатора (1934) партия дважды принимала участие в выборах (в 1935 и 1938 гг.), однако до Белграда не доехала. Вслед за подписанием в августе 1939 г. Соглашения Цветковича — Мачека и формирования Бановины Хорватия новое правительство с участием ХКП распустило парламент без объявления новых выборов. Не был созван и хорватский сабор, как это предусматривалось соглашением²⁶.

Многолетнее игнорирование скупщины при шестикратном участии в выборах (в 1920, 1923, 1925, 1927, 1935, 1938 гг.) — не лучшее свидетельство приверженности либеральной демократии, что побуждает некоторых радичевских апологетов прибегнуть к софистической аргументации. Например, С. Лечек тактику ХРКП оправдывала тем, что югославский парламентаризм 1920-х («мнимый» или «псевдопарламентаризм») и тем более второй половины 1930-х годов («толерируемый парламентаризм») был далек от исходной западной модели. Поэтому обоснованным преподносился радичевский выбор в пользу «внеинституциональных путей» и «альтернативных методов»²⁷. Умалчивалось при этом, что подобные «пути» и «методы» во многом обусловили как облик представительных органов,

²⁶ Авторитетный хорватский историк Любо Бобан утверждал, что против выборов в скупщину выступали неуверенные в своих электоральных перспективах сербские партии — и правительственные, и оппозиционные. ХКП как гегемон на хорватской политической сцене, напротив, настаивала на их проведении (см.: Boban Lj. 1974: 240–245). Что касается выборов в сабор, по мнению Марьяна Матицки, наследник Радича Владо Мачек (1879–1964) не считал их «приоритетно значимыми» (см.: Maticka 2006: 182).

²⁷ См.: Leček 2015: 30. Автор ошибочно указал, что «бойкот» парламента со стороны ХРКП продолжался с 1920 по 1925 г. (см.: Leček 2015: 29). В 1925 г. состоялось признание Радичем югославянского объединения и монархического строя, после чего ХКП сформировала правительственную коалицию с НРП. Однако еще в марте 1924 г. ХРКП решила участвовать в работе скупщины, направив ей требование о «верификации» полученных на выборах мандатов. 27 мая 1924 г. скупщина единогласно подтвердила полномочия депутатов от ХРКП, которые приняли присягу. После этого парламентская сессия была отложена. См.: *Московьевич М.* Дневник 1916–1968 / приред. др. М. Исић. Београд: Институт за новiju историју Србије, 2018. С. 264. Кроме того, Лечек неверно (1925–1926) указала хронологические рамки существования правительственной коалиции радичевцев и сербской НРП (см.: Leček 2015: 30). На самом деле в апреле 1926 г. С. Радич перестал быть министром, а члены его партии участвовали в формировании кабинетов до февраля 1927 г.

так и в целом государственный строй Королевства СХС/Югославия. В частности, в 1921 г. неучастие радичевцев в работе Учредительного собрания облегчило принятие Видовданской конституции, ущемлявшей интересы югославян бывшей Австро-Венгрии²⁸. В 1923 г. ХРКП заключила с сербской Радикальной партией секретную сделку (так называемый Марков протокол), согласно которой радичевцы обещали по-прежнему бойкотировать парламент, дабы не мешать радикалам сформировать правительственное большинство. Взамен те обещали приостановить административную централизацию в Хорватии. В 1928 г. — за год до установления диктатуры — Радич первым из югославских политиков предложил королю назначить во главе правительства «внепарламентскую личность», а именно, генерала, который был бы «против крупных сербских партий, поставивших себя вне парламента, вне государства и воли народа»²⁹. Наконец, в 1939 г. наследники Радича пренебрегли союзническими обязательствами перед сербской оппозицией, с которой их объединяли требования демократизации, возврата к подлинному парламентаризму и т. д., заключив сепаратную сделку с «носителем военной силы»³⁰, то есть с авторитарным режимом регентства.

Возвращаясь к «конституции», отметим, что, действительно, без многого предусмотренного в ней нельзя построить *démocratie libérale*. В то же время некоторые ее положения плохо вяжутся с либерализмом и вообще с «модерными» представлениями о государственно-правовом устройстве. Поэтому рассматриваемый текст мог в равной степени отражать как эклектичные, но прогрессивные взгляды Радича, так и стремление соответствовать ожиданиям

---

²⁸ Если бы депутаты ХРКП присутствовали в Учредительном собрании, правительственным партиям, радикалам и демократам, в декабре 1920 — январе 1921 г. не удалось бы добиться утверждения их проекта регламента скупщины. Согласно ему, для принятия конституции было достаточно не большинства в 2/3 голосов, как того хотели хорваты и словенцы, а половины плюс один голос (210) от общей численности депутатов (419). В конце концов, за Видовданский устав проголосовали 223 депутата. (см.: Gligorijević 1979: 91). Осмелимся утверждать, что правительству к моменту итогового голосования в июне 1921 г. не удалось бы обеспечить даже этой поддержки своему проекту конституции, если бы оппозиция была сильнее на 50 радичевских голосов.

²⁹ Цит. по: Gligorijević 1979: 251; Јовановић 1997: 83; *Живковић П. Сећања 1903–1946* / приред. А. Животић. Зајечар: Задужбина «Никола Пашић», 2016. С. 106.

³⁰ Јовановић 1997: 181.

максимально широкой целевой аудитории внутри страны и за ее пределами. Показательно, что сразу после описания государственного флага Хорватии в нем следовало перечисление мировых факторов, которые сделали малые народы субъектами международного права. Благодарность выражалась в первую очередь Соединенным Штатам Америки, в равной степени — русской революции, которая «навсегда свергла русский милитаризм», и только затем — «двум крупнейшим западноевропейским конституционным демократиям»³¹. Надежда на то, что «заграница нам поможет», не оставляла руководство ХРКП до 1925 г., когда оно отказалось от буквы «р» в своем названии, признало монархию и существующую конституцию. До этого, напомним, Радич отправился в Москву и вступил в Крестьянский интернационал (1924). А еще ранее (1919–1924) ХРКП главную ставку делала на помощь Запада, поэтому статей о разделении властей, верховенстве закона и т. п. в «конституции» не могло не быть.

Рассуждая о мнимом или подлинном либерализме «конституции», нельзя забывать, что сам Радич, как следует из его более ранних текстов и выступлений, себя либералом не считал:

Известно, что первая демократия возникла во Франции, экономическое ее название было либерализм, или <...> свободная конкуренция. Она очень пришлась по душе жидам³². Вторая демократия — рабочая или социалистическая. Экономическое ее название — конфискация <...>, то есть уничтожение частной собственности в государстве. И ее жида поддержали, надеясь, что конфисковать станут не у них, а у кого-то другого. Третий демократизм — крестьянский, который называется производство или хозяйство. Пока мы на земле, ни к чему нам либерализм и конкуренция. Чем конкурировать, когда у тебя ничего нет?³³

В качестве резюме к этой лекции по политэкономии, которую Радич прочитал коллегам-депутатам в 1910 г., приведем написанное им за пять лет до этого под псевдонимом «Батюшка»:

³¹ *Radić S. Politički spisi.* S. 367–368.

³² С. Радич использовал имеющее оскорбительный оттенок слово *čifut* — «жид». Слово *žid* переводится с хорватского как «еврей».

³³ *Radić S. Hrvatska seljačka politika prvi put u Hrvatskom državnom saboru (govor predsjednika Seljačke stranke Stjepana Radića, izrečen u Hrvatskom državnom saboru dne 12. svibnja 1910., točno po brzopisnom zapisniku, ponješto skraćeno).* Zagreb, 1910. S. 17.

Либерализм <...> не признает народной души, ставя во главу угла себя, а не “тело народное”. Поэтому <...> далек он от славянской демократии и от хорватской народной крестьянской партии³⁴.

За подобными заявлениями, по мнению англоязычного автора Марка Бюндича, стояло представление, будто наиболее существенной особенностью либеральной идеологии являлась отчужденность государства от общества. По словам Радича, государство «не имело обязанности помогать гражданам, а евреи и либералы тоже учат нас, что не в интересах государства заботиться о бедных людях — крестьянах или нищих, что каждый должен быть предоставлен своей судьбе»³⁵. В отличие от либерализма, продолжил исследователь, программа ХНКП делала упор на крестьянскую общину как единое целое, которое противостоит и индивиду, и экономическому принципу *laissez-faire*.

Условный выбор между правами и свободами отдельного человека, с одной стороны, и коллективными интересами «земледельческого сословия», с другой, обуславливался представлением о «пятикратном превосходстве» последнего над остальными общественными группами:

1. Превосходстве в численности, ибо крестьянство составляет подавляющее народное большинство (более 80 %);
2. В труде и нажитом имуществе, так как крестьянин работает от зари до зари, и крестьянству принадлежит большая часть совокупного народного имущества;
3. В честности и моральности <...>;
4. В политической устойчивости и жертвенности, верности народному языку и народным обычаям, то есть всему тому, что составляет хорватскую народность и хорватское отечество;
5. В человечности³⁶.

Неудивительно, что Радич считал крестьянство единственным «политическим фактором», способным «обустроить нашу домовину (отечество. — А. С.) — государство, какое мы все хотим»³⁷. Последнее предстает увеличенной моделью крестьянского «дома» (двора) и одновременно совокупностью таких «домов»:

³⁴ Цит. по: Petrić 2015: 581.

³⁵ Biondich 2000: 76.

³⁶ Radić S. Seljački socijalni pokret jedina prava demokracija // Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. IX–X.

³⁷ Radić S. Hrvatska seljačka politika. S. 17–18.

Наша первая задача — защищать и развивать эти дома, а вторая — большую домовину, состоящую из малых домов, превратить, может быть, не в Бельгию или Швейцарию, а в Данию.

С высокой миссией жителей села диссонировало их дискриминированное в политическом отношении положение, за «исправление» которого ответственность лежала на образованных городских слоях.

«Зная, что представляет собой народ, какова его физическая и моральная сила, мы обязаны воплотить ее должным образом. Потому что, если в народе той силы нет, интеллигенция останется без дела»³⁸, — призывал Радич депутатов сабора. Разъяснение, в чем состояло это «дело», демонстрирует, что *La science politique* не единственный корень радичевской идеологии:

Об этом яснее всего написано в русской литературе, которая, на самом деле, литература крестьянская. Русские писатели проповедуют, что они в долгу перед народом, а не народ перед ними. В этом величие русской литературы. Поэтому <...> никто не смеет в саборе говорить “наш бедный робкий народ”, как какой-нибудь жид скажет о просящем милостыню. <...> Если народ превыше всего, если он суверенен, тогда о нем — только с почтением и любовью³⁹.

В том же духе Антун Радич писал:

Ценность русской литературы не только в ее художественных достоинствах, для нас она имеет еще большее значение, потому что предлагает решение двух проблем <...> народной культуры и отношения интеллигенции к народу. <...> Интеллигенция, стремительно приняв западноевропейскую образованность и чуждые обычаи, стала чужой своему народу. Так разверзлась пропасть между образованными людьми и народом. Лучшие русские люди бились над ее преодолением, в чем помощницей выступала русская художественная литература. Она пробуждала интерес к народу, к его страданиям, воспламеняла благородную любовь к народу, и никогда не возвышалась надменно над мужиком-бедолагой⁴⁰.

С. Кляич совершенно прав, когда написал, что русские народники и русский литературный реализм спрофилировали политический

³⁸ Ibid. S. 32.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Цит. по: Kljaić 2017: 85.

и идеологический мир братьев Радич. Беря пример с русских народников, братья собирались освободить «отнародившуюся» интеллигенцию от рабологии перед Западом и вместо него предложили ей культ народа, села и крестьянства. Копируя современный русский опыт, Радичи также восприняли антизападный славянский миф. Западная культура преподносилась уничтожителем автохтонной хорватской крестьянской культуры. Отвергая западный гражданский *modus vivendi*, Радичи источником своей идеологии избрали крестьянскую экзистенцию⁴¹.

Преодоление «пропасти» по-радичевски подразумевало реализацию концепции «крестьянского права»⁴², которое должно было защитить от «атеизма и клерикализма, революции и бюрократизма, а также сегодняшних социализма и капитализма — апостолов государственного всеислия и тирании денег над трудом»⁴³. Особую угрозу крестьянским домам представляла индустриализация, ибо крупная промышленность превращала широкие народные слои в сущих рабов, земледельческий же строй делал человека великаном⁴⁴. Исходя из этого ХНКП настаивала на расширении избирательного законодательства, гарантиях защиты крестьянского надела, организации самоуправляющихся хозяйственно-административных общин, подконтрольных крестьянам.

Всех необходимых изменений в пользу крестьян председатель ХНКП предполагал добиться без изменения общественного и политического строя. В неоднократно процитированном выступлении подчеркивалось, что ХНКП придерживается «имперской и династической политики», инструментом которой является регулярная армия, наличие которой позволяет «нам жить в полной безопасности, а некоторым даже и беззаботно». Без нее ведение войны представляло бы собой «настоящий бандитизм».

1918–1920 гг. принесли новые зафиксированные в «конституции» требования, эволюцию которых обусловила радикализация настроений «хорватского крестьянина». Тот, по словам Радича, на протяжении четырех военных лет «не просто был настоящим рабом государства, но и всеми господами — официальными

⁴¹ Kljaić 2017: 85.

⁴² Biondich 2000: 67; *Radić S. Hrvatska seljačka politika*. S. 19.

⁴³ Цит. по: Petrić 2015: 580.

⁴⁴ *Radić S. Hrvatska seljačka politika*. S. 28, 24, 19.

и неофициальными — эксплуатировался хуже любого тяглового скота»⁴⁵. Поэтому после войны «за пролитую кровь и слезы» он хотел и требовал такой же свободы и прав, за которые боролись его крестьянские братья в России⁴⁶.

Предреволюционную ситуацию, сложившуюся в хорватских землях в 1918–1920 гг., вспоминал в 1924 г. лидер югославских социал-демократов Витомир Корач (1877–1941):

Психологическое состояние масс было опасным. Измученные и истерзанные тяжелой войной, они по своей наивности надеялись на немедленные перемены к лучшему сразу по ее окончании. Но тяготы войны продолжались и дальше. Из России возвращались пленные солдаты бывшей австро-венгерской армии, проповедовавшие “зарю с востока”. <...> Психоз охватил массы. И тогда появились разные “спасители”, которые обещали избавление в 24 часа, если только пойти за ними. Поэтому любая демагогия ложилась на благодатную почву⁴⁷.

Однако из всех «спасителей» крестьянские массы выбрали именно Радича, что Корач объяснял его «виртуозностью в демагогии» — способностью артикулировать весь широкий спектр этнических, социальных и политических фобий потенциального избирателя:

Если имеются поблизости сторонники Карла Габсбурга, то и он предстает заправским цезаристом; если кто праваш, и он — за хорватское государственное право; если кто-то ненавидит сербов, и он начинает их травить <...>, если кто-то не любит попов, и он также; если кто-то республиканец, и он тоже; если кто против войны, и он — пацифист <...>, если кто против военной службы, и он — за то, чтобы не было армии; если кто-то не хочет платить налоги, и он тут как тут. Одним словом, он не брезговал любыми пропагандистскими лозунгами и сумел каждое дуновение недовольства поймать в свои паруса. Никто не смог составить ему конкуренцию в демагогии — ни коммунисты, ни католики-клерикалы, ни франковцы.

⁴⁵ Цит. по: Ванас 1995: 194.

⁴⁶ *Radić S. Gospodstva politika bez naroda i proti narodu (govor predsjednika Hrvatske seljačke stranke nar. zast. Stjepana Radića na noćnoj sudbonosnoj sjednici Narodnog vijeća dne 24. studena 1918). Zagreb, 1920. S. 27.*

⁴⁷ А. Я. Ф. 305. Бюра Поповић. Фасцикла 40.

Справедливость корачевской оценки подтверждается тем, что аналогичное суждение о всеядности Радича высказал сочувствовавший ему сербский политик левого толка Драголюб Йованович (1895–1977):

Стипица знал, что крестьянская душа не монохорд, что в ней больше одной струны. И ее не прельстить взятыми в отдельности хозяйственными задругами, политикой, хорватством или республикой. Партия его прежде всего называлась Хорватская, затем — народная, крестьянская. И каждое из этих слов било по одному из его противников <...> Как и буржуазные правашаи, он предлагал хорватство; как клерикалы, подчеркивал плебейский, народный характер своего движения; в отличие от социалистов апеллировал к крестьянам и к рабочим как к части народа — отростку крестьянства. После русской революции позаимствовал республику вместо революции, что позволило ему похитить крестьян у коммунистов. Провозгласил нейтральность и миротворчество, дабы защитить их от сербской монархии и милитаризма. На его арфе всегда было несколько струн, а в его колчане — много стрел. Ими он пленял сердца сторонников и разил противников⁴⁸.

Достоверность вышеприведенных характеристик в 1925 г. невольно подтверждал сам Радич:

Массама овладела мораль проигравших. С одной стороны — сторонники Габсбургов. С другой — большевики. Нам пришлось действовать быстро, и потребовался сильный “шлягер”. За республику мы ухватились из-за Вильсона, Америки, Германии, Австрии и Венгрии. Если бы это не сработало, пришлось бы искать что-то другое. Впрочем, сейчас мы можем быть довольными. Прикончили габсбургвщину и остановили распространение большевизма. Еще одна причина — опасность клерикализма⁴⁹.

Чтобы достигнуть такого результата, потребовалось не только представить себя публике в выгодном свете, но и дискредитировать разношерстных конкурентов. Априорным преимуществом перед многими из них послужило осознание партийным руководством той неприязни, с которой «массы» относились к обретенным «братьям» — сербам. Бывший председатель Югославянского комитета Анте Трумбич (1864–1938) вспоминал в 1932 г.:

⁴⁸ Јовановић 1997: 47.

⁴⁹ АЈ. Ф. 335. Војислав Јовановић-Марамбо. Хартије двора. Фасцикла 6.

Радич хорошо проник в душу хорватского крестьянина, который после четырехлетних страданий за чужие интересы вернулся домой и преисполнился горечью, бешенством и разочарованием, обнаружив страну под сербской оккупацией⁵⁰.

В начале 1920-х годов антисербская риторика позволила радичевцам в борьбе за симпатии села обойти коммунистов, которые проповедовали чуждые тому идеи международной солидарности трудящихся. По словам межвоенного историка и публициста Йосипа Хорвата (1915–2012), коммунисты, в отличие от Радича, не видели, что война несет идею национализма. Радич ее воспринял и, таким образом, укрепил хорватский национализм, который был лучшим щитом от всякого интернационализма⁵¹.

По сравнению с коммунистами более легкой мишенью для пропаганды стали «городские» партии, представленные в хорватском саборе и позднее в Народном вече СХС. В большинстве своем они признали Югославию и положенную в ее основание теорию народного единства сербов, хорватов и словенцев, что позволило обвинить их в предательстве хорватских национальных интересов. Показательно описание Рудольфом Херцегом (1887–1951) электоральной победы, которую ХНКП одержала в Хорватии на выборах в Конституционное собрание в ноябре 1920 г.:

Это были судьбоносные дни. Решался вопрос, хочет ли хорватский народ наделить правами Радича, или тех своих господ, которые <...> решили вручить власть над Хорватией Белграду. Хорватский народ должен был высказаться или за свое самоопределение, или добровольно отдаться в рабство господам⁵².

Против тех, кого нельзя было обвинить в лояльности «оккупантам», эффективно действовал уже проиллюстрированный тезис об эксплуатации хорватского крестьянина всеми «капуташами⁵³ и цилиндрашами» безотносительно их политической ориентации и той позиции, которую они занимали во время и после войны. Поэтому,

⁵⁰ Цит. по: Boban Lj. 1987: 29.

⁵¹ Horvat 1990: 143.

⁵² Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 33.

⁵³ *Kanymau* (от сербохорв. *kanym* — пальто) — уничижительное прозвище, использовавшееся сельскими жителями югославянских стран для обозначения горожанина. Буквально переводится как «человек в пальто».

как говорил Радич осенью 1918 г., «став в результате войны полноценным человеком», крестьянин на грядущих выборах в сабор или Учредительное собрание «не станет больше выбирать господ, нарушивших все обещания, <...>, а выберет только людей от сохи и мотыги». А те станут «править и вести государственные дела по воле и потребности крестьянского большинства, а не по своеволию незначительного господского меньшинства»⁵⁴. Дабы «прикончить» тех его представителей, кто ностальгировал по Габсбургам или просто так или иначе ассоциировался в массовом сознании со знатью, высшим духовенством и австро-венгерской бюрократией, идеологи ХНКП объясняли, что на «правителях и их первых помощниках — епископах и дворянах» лежит вина за все беды и несчастья:

Судя по опыту предвоенных лет и войны, для крестьян монархия — это организация власти сверху вниз. Когда император объявил войну, он позвал министров, министры — великих жупанов, те — окружных начальников <...>, а эти весь народ: “Пускай идет и бьется” <...>. Приказ шел сверху донизу. И весь народ должен был слушаться⁵⁵.

Одновременно двух «зайцев» — сторонников Габсбургов и Карагеоргиевичей — должна была поразить партийная листовка, датированная февралем 1919 г.: «При короле решения принимает сам король-глупец или королевич <...>, вельможи, аристократы, графы и прочие, кто вокруг короля трется и вместе с ним пьет народную кровь»⁵⁶.

Устраняя «опасность клерикализма», ХРКП использовала в своих интересах как расхожее восприятие духовной власти в качестве пособия насильнического государства, так и устойчивую патриархальную религиозность селян. Апеллируя к ней, Радич подчеркивал, что для него крестьянство было не классом, а «народом мучеников»⁵⁷. Партийная пропаганда сулила ему блестящие перспективы: «Крестьянская процессия идет вперед и не сворачивая — в рай крестьянской

⁵⁴ Radić S. Gospodska politika bez naroda i proti narodu. S. 26, 29, 19.

⁵⁵ Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj. S. 8, 34.

⁵⁶ HDA. Fond Ante Starčevića. Kutija 1. Pismo Stjepana Radića Marku Došenu. 27. I. 1919.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

республики»⁵⁸. Возглавляла «поход за синей птицей» ХРКП — «носительница крестьянского движения, которое перерастает узкословные рамки и преобразуется не просто в народное (хорватское), но и общечеловеческое движение»⁵⁹.

Каковы идеалы, способные объединить все человечество? Ответ обнаруживаем в процитированной работе Херцега: «И появилась среди хорватского народа возрожденная христианская религия, вера в права и истину, добро и человека — человека праведного, отважного и мудрого». При этом имелся в виду не абстрактный *homo sapiens*, а совершенно конкретный — из плоти и крови:

Этот человек не вор, <...> не трус, <...> не чрезмерно умен, вроде тех, кто полагает, что умнее всего народа, и поэтому безумен. В этом можно было упрекнуть в 1918 г. всех вождей, но не Радича⁶⁰.

Кем себя считал этот «праведник», видно из его письма деятелю Крестинтерна Томашу Домбалу (1890–1937), отправленного в мае 1924 г.:

У нас совсем не существует агитации в обыденном смысле этого слова. У нас совсем не имеется агентов. Все у нас делается <...> самым идеальным образом — апостолом, то есть <...> проповедыванием освобождения крестьянского народа⁶¹.

Прочитанные выше тексты и высказывания существенно дополняют «конституцию». «Республика» предстает не просто образом справедливого национально-классового государства — увеличенной моделью крестьянского «дома» или задруги, а квазирелигиозной ересью с соответствующими атрибутами: ксенофобией, гарантирующим «спасение» учением, «апостолами» и ересиархом, власть которого над паствой явно превосходила полномочия «хозяина задруги». Показательно свидетельство германского посланника в Белграде Фридриха фон Келлера: «Как ни относишься к личности Радича, он пользуется у крестьян уважением, граничащим с культом святого, который он всячески поддерживает, пользуясь своими

⁵⁸ Цит. по: *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. S. 47.

⁵⁹ *Ibid.* S. 34, 35.

⁶⁰ *Ibid.* S. 31, 32.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 2. Д. 190. Л. 19.

актерскими способностями»⁶². Радич, как писал рупор ХРКП, не был «шефом партии», какие существуют в Западной Европе. Он был вождем, чьи решения выполнялись беспрекословно, даже тогда, когда он кого-нибудь исключал из партии, из рядов хорватского народа. Патриархально он вершил свою власть, которой плебисцитарно наделил его народ. «Он наставлял, грозил, карал, хвалил, но при этом всегда оставался в душе добрым отцом»⁶³. Выдержка из печатного органа партии не только подтверждает высокий статус председателя, но и заставляет задуматься о том, кто заслуживает «исключения из народа». Любой, кто не поддерживает ХРКП, или, как писал Радич, «тот господин и тот рабочий, кто находится вне крестьянского круга, и, следовательно, вне своего народа, *то есть против него* (курсив мой. — А. С.)»⁶⁴.

Таким образом, приверженность С. Радича принципу диктатуры большинства и нетерпимость в отношении находящихся вне его в силу своих этнических, социальных и прочих особенностей (в духе «кто не с нами, тот против нас») дают основания предположить, что он был весьма далек от либерализма со свойственной тому этикой индивидуализма, плюрализмом и пиететом в отношении прав меньшинства. В каком же качестве ХРКП добилась тотального превосходства над оппонентами и привлекла на свою сторону львиную долю крестьянского сословия? Присущие ХРКП мессианизм, иерархичность, откровенный вождизм и одновременно апелляция к патриархальному массовому представлению о народе и государстве как сообществе равных — все это побуждают провести аналогию с современными ей массовыми организациями — носителями тоталитарных идеологий, получивших распространение в XX в. Какими именно? «Подсказкой» служит поведение соратников Радича после его смерти в 1928 г. Осиротевшие «апостолы» изъяли у преставившегося «первосвященника» сердце и мозг, которые предполагалось выставить в особом мавзолее, где они должны были «возвеличивать радичевское послание народу и поддерживать его культ»⁶⁵. Этому оставшемуся нереализованным намерению, как полагает современный хорватский автор

⁶² Avramovski 2020: 89.

⁶³ Цит. по: Horvat 1990: 249.

⁶⁴ Radić S. Čim je hrvatsko seljačtvo preraslo školanu gospodu, radništvo i gradjanstvo // *Herceg R. Seljački pokret u Hrvatskoj*. S. 49.

⁶⁵ Grgić 2010: 737, 746.

Стипица Гргич, ближе всего «концепция мавзолея Ленина, где хранились земные останки вождя».

Степень сходства «партии нового типа» и ХРКП, обусловленного во многом общей народнической основой и выразившегося, в частности, в посмертном культе вождя, требует более пристального рассмотрения в отдельном исследовании. Здесь лишь укажем, что и ту, и другую отличало далеко не догматическое отношение к собственной пропаганде. Как и для большевиков, для радичевцев их антивоенные и эгалитаристские лозунги, в том числе опубликованные в виде статей «конституции», служили отнюдь не «священным писанием», а утилитарным инструментом «политической мобилизации масс», как гласит заголовок книги М. Биондича. Достигнув этой цели, партия в 1925 г. сочла возможным из тактических соображений пожертвовать некоторыми «куплетами» своего «шлягера». Раз отрекшись от «республики», партийное руководство более не вспоминало о ней даже после перехода в жесткую оппозицию к центральной власти в 1928 г. Об «отступлении от изначального демократизма» ХКП и выборе в пользу «авторитарного способа правления» свидетельствовал режим, установленный в Бановине Хорватия (1939–1941) — этом, по словам Кляича, «кратковременном воплощении радичевской мечты»⁶⁶. Возглавлял ее *de facto* следующий после Радича председатель партии Владимир Мачек⁶⁷, которого тоже неизменно величали «вождем хорватского народа».

Список сокращений

АЈ — Архив Југославије, Београд

ВНП — Временное народное представительство

НРП — Народная радикальная партия

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев

ХКП — Хорватская крестьянская партия

ХНКП — Хорватская народная крестьянская партия

ХРКП — Хорватская республиканская крестьянская партия

НДА — Hrvatski državni arhiv, Zagreb

⁶⁶ Kljaić 2017: 100.

⁶⁷ Формально во главе Бановины Хорватия стоял бан Иван Шубачич (1892–1955).

Литература

- Бешлин 2005 — *Бешлин Б.* Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку. Сремски Карловци-Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2005. 943 с.
- Јовановић 1997 — *Јовановић Д.* Политичке успомене. Сазнања. Београд: Култура; Архив Југославије, 1997. Т. II. 331 с.
- Романенко 1982 — *Романенко С. А.* Формирование мировоззрения и политическая деятельность братьев А. и С. Радичей (1887–1900) // Советское славяноведение. 1982. № 1. С. 36–45.
- Фрейдзон 1993 — *Фрейдзон В. И.* Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — начала XX в. От консервативно-реформистских идей к программе крестьянской демократии 1832–1914. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1993. 190 с.
- Avramovski 2020 — *Avramovski Ž.* Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920–1941. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 2020. Т. I. 1920–1929. 409 с.
- Banac 1995 — *Banac I.* Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika. Zagreb: Durieux, 1995. 376 s.
- Biondich 2000 — *Biondich M.* Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 2000. 368 p.
- Boban B. 2006 — *Boban B.* Stjepan Radić u Hrvatskoj politici XX stoljeća // Hrvatska politika u XX stoljeću / ur. J. Hekman, Ljubomir Antić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 145–159.
- Boban Lj. 1974 — *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941. Zagreb: Liber, 1974. Т. II. 479 s.
- Boban Lj. 1987 — *Boban Lj.* Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije. Zagreb: Školska knjiga, 1987. 451 s.
- Čulinović 1961 — *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1961. Т. I. 448 s.
- Gligorijević 1979 — *Gligorijević B.* Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929). Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1979. 420 s.
- Goldstein 2008 — *Goldstein I.* Hrvatska 1918–2008. Zagreb: Europapress holding; Novi liber, 2008. 931 s.
- Grgić 2010 — *Grgić S.* Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928.–1934.) // Časopis za savremenu povijest. Zagreb, 2010. № 3. S. 723–747.
- Horvat 1990 — *Horvat J.* Politička povijest Hrvatske. Zagreb: August Cesarec, 1990. Т. II. 379 s.
- Kljaić 2017 — *Kljaić S.* Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.). Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 2017. 436 s.

- Leček 2006 — *Leček S.* Selo i politika. Politizacija hrvatskog seljaštva 1918–1941 // Hrvatska politika u XX stoljeću / ur. J. Hekman; Ljubomir Antić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2006. S. 119–143.
- Leček 2015 — *Leček S.* Priča o uspjehu — strategija i metode političke borbe Hrvatske seljačke stranke (1918–1941) // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova / ur. Z. Lukić, H. Petrić. Zagreb, 2015. S. 27–48.
- Maticka 2006 — *Maticka M.* Hrvatska iskustva s parlamentarizmom u 20. stoljeću // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova / ur. Z. Lukić, H. Petrić. Zagreb: Matica Hrvatska; Povijesno društvo Križevci; Zaklada braće Radić. Zagreb, 2015. S. 177–189.
- Petrić 2015 — *Petrić H.* O braći Radić i počecima Hrvatske pučke seljačke stranke // 110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova / ur. Z. Lukić, H. Petrić. Zagreb: Matica Hrvatska; Povijesno društvo Križevci; Zaklada braće Radić. Zagreb, 2015. S. 539–606.
- Sirotković 1999 — *Sirotković H.* Radićev ustav neutralne seljačke Republike Hrvatske iz 1921. godine // Radovi — zavod za hrvatsku povijest. 1999–2000. Vol. 32–33. S. 299–307.

References

- Avramovski, Ž., 2020. *Nemci o Kraljevini Jugoslaviji. Izveštaji nemačkih diplomatskih predstavnika 1920–1941*, I, 1920–1929. Beograd: Arhiv Jugoslavije, 409 p.
- Banac, I., 1995. *Nacionalno pitanje u Jugoslaviji: porijeklo, povijest, politika*. Zagreb: Durieux, 376 p.
- Bešlin, B., 2005. *Evropski uticaji na srpski liberalizam u XIX veku* [European influences on Serbian liberalism in the nineteenth century]. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 943 p. (In Serb.)
- Biondich, M., 2000. *Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the politics of mass mobilization, 1904–1928*. Toronto: University of Toronto Press Incorporated, 368 p.
- Boban, B., 2006. Stjepan Radić u Hrvatskoj politici XX stoljeća. In: Hekman, J., Antić, Lj., eds. *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, p. 145–159.
- Boban, Lj., 1974. *Maček i politika Hrvatske seljačke stranke. 1928–1941*, II, Zagreb: Liber, 479 p.
- Boban, Lj., 1987. *Kontroverze iz povijesti Jugoslavije: dokumentima i polemikom o temama iz novije povijesti Jugoslavije*. Zagreb: Školska knjiga, 451 p.
- Čulinović, F., 1961. *Jugoslavija između dva rata*, I. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 448 p.
- Freidzon, V.I., 1993. *Sud'by krestianstva v obshchestvennoi mysli Khorvatii 19 — nachala 20 v. Ot konservativno-reformistskikh idei k programme krestianskoj demokratii 1832–1914* [The fate of the peasantry in nineteenth- and early

- twentieth-century Croatian social thought. From conservative-reformist ideas to the programme of peasant democracy 1832–1914]. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki, 190 s. (In Rus.)
- Gligorijević, B., 1979. *Parlament i političke stranke u Jugoslaviji (1919–1929)*. Beograd: Institut za savremenu istoriju, 420 p.
- Goldstein, I., 2008. *Hrvatska 1918–2008*. Zagreb: Europapress holding, Novi liber, 931 p.
- Grgić, S., Radić nakon Radića: Stvaranje kulta heroja Stjepana Radića (1928.–1934.). *Časopis za suvremenu povijest*, 2010, 3, pp. 723–747.
- Horvat, J., 1990. *Politička povijest Hrvatske*, II. Zagreb: August Cesarec, 379 p.
- Jovanović, D., 1997. *Političke uspomene. Saznanja* [Political memories. Findings], II. Beograd: Kultura, Arhiv Jugoslavije, 331 p. (In Serb.)
- Kljajić, S., 2017. *Nikada više Jugoslavija. Intelektualci i hrvatsko nacionalno pitanje (1929.–1945.)*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 436 p.
- Leček, S., 2006. Selo i politika. Politizacija hrvatskog seljaštva 1918–1941. In: Hekman, J., Antić, Lj., eds. *Hrvatska politika u XX stoljeću*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 119–143.
- Leček, S., 2015. Priča o uspjehu — strategija i metode političke borbe Hrvatske seljačke stranke (1918–1941) In: Horvat, R., ed. *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova*. Zagreb, pp. 27–48.
- Maticka, M., 2015. Hrvatska iskustva s parlamentarizmom u 20. stoljeću. In: Horvat, R., ed. *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova*. Zagreb, pp. 177–189.
- Petrić, H., 2015. O braći Radić i počecima Hrvatske pučke seljačke stranke. In: Horvat, R., ed. *110 godina Hrvatske seljačke stranke. Zbornik radova*. Zagreb, pp. 539–606.
- Romanenko, S. A., 1982. Formirovanie mirovozzreniia i politicheskaiia deiatel'nost' brat'ev A. i S. Radichei (1887–1900) [Formation of the worldview and political activity of the brothers A. and S. Radić (1887–1900)]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 1, pp. 36–45. (In Rus.)
- Sirotković, H., 1999–2000. Radićev ustav neutralne seljačke Republike Hrvatske iz 1921. godine. In: *Radovi — zavod za hrvatsku povijest*, 32–33, pp. 299–307.

Alexander A. Silkin

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt, 32A. E-mail: alexander.silkin.as@gmail.com

The Image of Power in the “Constitution of the Neutral Peasant Republic of Croatia” (1921)

There is a tendency in Croatian historiography to present the government Stjepan Radić, who headed the Croatian (Republican) Peasants' Party, as the forerunner of modern liberal democracy. The argument is the so-called Constitution of the Neutral Peasant Republic (1921), which provided for universal suffrage, government responsibility to the representative body, separation of powers, and so on. However, its other provisions do not align well with liberalism and, in general, with “modern” ideas about the state-legal structure. The Constitution should be viewed not as a draft law, but as a propaganda tool that appealed to the patriarchal-traditional views of the target audience. The state appeared as an enlarged model of a “peasant’s house” or “zadruga”, at the head of which was a strict but fair father of the people. He was endowed with not only secular, but also spiritual power over his “children”. S. Radić perceived the totality of his own slogans as a “reborn Christian religion”, and his activity as an “apostolate” or “preaching the liberation of the peasant people”. In the late 1930s Radić’s associates, who stood at the helm of power in Banovina Croatia, had the opportunity to embody their own ideas about the optimal state structure. Practice had little in common with theory, which is something that characterised many utopian national-state projects of the interwar period. The article deals with the ideological evolution of the party, which was predominated by the changing historical context in which it had to act. The speeches and texts of S. Radić are considered not only as an expression of a credo, but also as a utilitarian tool for the political mobilization of the masses.

Keywords: Stjepan Radić, Croatian republican peasant party, Constitution of the Neutral peasant republic of Croatia, Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes, parliamentarism, liberal democracy, propaganda

How to cite: Silkin, A. A., 2022. *Obraz vlasti v “Konstitutsii neutral’noi krest’ianskoi respubliki Khorvatiia” (1921). Tsentral’noevropeiskie issledovaniia*, 2022, 5(14). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 223–245. doi: 10.31168/2619-0877.2022.5.9.